

ПРАВО

УДК 340.115

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ПОЗИЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
artemova-an-1991@yandex.ru

Аннотация. В контексте реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) до 2030 г. одной из ключевых правовых проблем становится определение правосубъектности систем искусственного интеллекта. В статье анализируется перспектива наделения ИИ статусом «электронного лица» по аналогии с исторически сложившейся конструкцией юридического лица. Автор рассматривает данный вопрос не с антропоцентрических позиций, а через призму экономического анализа права, исследуя цели и условия такого шага. Обосновывается, что правосубъектность является инструментом регулирования, а ее предоставление ИИ возможно при достижении им достаточной степени автономности в принятии решений и должно быть экономически целесообразным, способствуя росту благосостояния и притоку инвестиций, при одновременном создании компенсационных механизмов для минимизации потенциальных рисков и защиты прав третьих лиц.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, ограниченная ответственность, экономический анализ права, конструкция юридического лица, автономность ИИ.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2025). Правосубъектность искусственного интеллекта с позиции экономического анализа права. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 176-183. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 176-183

THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FROM THE PERSPECTIVE OF THE ECONOMIC ANALYSIS OF LAW

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
artemova-an-1991@yandex.ru

Abstract. In the context of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence (AI) until 2030, determining the legal personality of artificial intelligence systems has become one of the key legal problems. The article analyzes the prospect of granting AI the status of an “electronic person”, drawing a parallel with the historically established concept of a legal entity. The author examines this issue not from an anthropocentric perspective, but through the lens of the economic analysis of law, exploring the goals and conditions for such a step. It is argued that legal personality is a regulatory tool, and its granting to AI is possible upon achieving a sufficient level of decision-making autonomy and should be economically feasible, contributing to the growth of prosperity and attracting investments. This should be accompanied by the simultaneous creation of compensation mechanisms to minimize potential risks and protect the rights of third parties.

Keywords: artificial Intelligence; legal personality; electronic person; limited liability; economic analysis of law; legal entity; AI autonomy.

For citation: Artemova, A. N. (2025). The Legal Personality of Artificial Intelligence from the Perspective of the Economic Analysis of Law. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 176-183. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 176-183

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их активное проникновение в ключевые сферы экономики и социальной жизни ставят перед правовой наукой и законодателем принципиально новые вызовы. В Российской Федерации, как и во многих других странах, этот процесс стимулируется принятием стратегических документов, таких как Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.¹, которые задают вектор технологического прорыва. Однако правовое обеспечение этого прорыва отстает от темпов технологических изменений. Одним из наиболее дискуссионных и фундаментальных вопросов становится определение правового статуса самих систем ИИ. Традиционная правовая парадигма, опирающаяся на субъектность физических и юридических лиц, оказывается недостаточной для регулирования отношений с участием автономных алгоритмов, способных к самостоятельному принятию решений и причинению вреда. В связи с этим в научном сообществе все активнее обсуждается концепция наделения ИИ особой правосубъектностью по модели «электронного лица».

Термин «электронное лицо» был впервые упомянут в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике». Несмотря на рекомендательный характер, резолюция стала одним из первых в мире серьезных шагов по комплексному осмыслению правовых и этических вызовов, связанных с развитием робототехники и искусственного интеллекта. В разделе, посвященном гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, в числе прочего было предложено наделение в долгосрочной перспективе роботов особым правовым статусом, «чтобы по крайней мере самые сложные автономные роботы могли быть признаны имеющими статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и возможное применение электронной личности в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами»².

Выдвинутая идея о закреплении особой правосубъектности в форме «электронного лица» инициировала в научном сообществе активную полемику относительно допустимости признания искусственного интеллекта субъектом права. Данная дискуссия актуализируется на фоне растущей сложности ИИ-систем, которые обретают способности к независимому анализу, самообучению и адаптации поведения – функциям, традиционно ассоциируемым с человеческим интеллектом. Вместе с тем сама постановка вопроса через призму сопоставления ИИ с человеком представляется непродуктивной, ибо правосубъектность является сугубо правовым инструментом, связь которого с антропологическими категориями (сознание, воля, интересы и др.) отсутствует. «Для каждого юриста утверждение о наделении физических и юридических лиц правосубъектностью исключительно в силу закона – базовая непреложная истина» [Василевская, 2023, с. 34].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.10.2025).

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). [Online]. *Official Journal of the European Union*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (Accessed: 14 October 2025).

Исторически субъект права как юридическая категория и человек как биологическое существо никогда не были тождественны. Так, в римском праве рабы не признавались субъектами права, а латинское слово «persona», переводимое как «лицо», имеет второе значение «маска». То есть лицо (субъект права) – это не что иное, как маска, надеваемая юриспруденцией на людей и производных субъектов. «Как человек, оказавшийся в греческом или римском театре, в котором артисты носили специальные маски, переносился в особый мир, так и юристы для пространства правовой реальности ввели знаково-символическое понятие субъекта права» [Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 30]. Таким образом, правосубъектность – суть юридическое качество, которое предоставляется законом для определенной цели.

Следует всецело согласиться с Г. А. Гаджиевым и Е. А. Войниканис в том, что «признавая важность человеческой личности, уникальность стремления человека к самопознанию и моральному совершенству, мы не должны отказываться от концепта юридического мира. Редуцируя личность к лицу, к определенной совокупности функций или юридических масок, право совсем не обедняет понимание человеческой природы и способностей. Скорее, право конституирует еще одно, дополнительное измерение социального бытия человека» [Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 36].

Правосубъектность является элементом юридического мира, с помощью которого право обеспечивает эффективное регулирование общественных отношений. Как в свое время была создана конструкция юридического лица, наделенная правосубъектностью для адаптации законодательства к социальным реалиям, так и создание конструкции электронного лица для участия в определенных правоотношениях является вполне адекватным решением при условии наличия соответствующих условий, требующих этого шага. Таким образом, вопрос о наделении правосубъектностью ИИ должен звучать не «Могут ли системы ИИ быть наделены правосубъектностью?», а «С какой целью и при каких условиях системы ИИ могут быть наделены правосубъектностью?» Иными словами, правосубъектность ИИ – вопрос не самой возможности, а цели и условий.

В качестве условия наделения ИИ правосубъектностью ученые называют автономность ИИ от человека [Понкин, Редькина, 2018, с. 105], материализацию поведения робота в реальном мире посредством совершения им действий, порождающих юридические факты [Лаптев, 2019, с. 97-99]. Таким образом, необходимой предпосылкой наделения ИИ правосубъектностью является автономность ИИ – способность организовывать свое поведение и принимать самостоятельные решения.

Что касается цели наделения ИИ правосубъектностью, представляется необходимым рассмотреть данный вопрос с позиции такого направления политико-правового анализа права, как экономический анализ, цель которого состоит в прогнозировании влияния принятия тех или иных правовых норм на экономическое поведение индивидов, определении того, в какой степени те или иные правовые нормы будут влиять на экономическое благосостояние и экономическую эффективность.

А. Г. Карапетов справедливо указывает на то, что «для адекватного развития права необходимо уяснение реальных истоков тех или иных перипетий истории права и реальных причин принятия и функционирования действующих правовых институтов. Очень часто эти истоки и причины носили сугубо или преимущественно экономическую природу: правотворцы прошлого с помощью соответствующих правовых институтов вольно или невольно решали те или иные экономические задачи» [Карапетов, 2016, с. 32].

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере конструкции юридического лица. В свое время создание конструкции юридического лица и наделение его правосубъектностью имело свои экономические причины: необходимость вовлечения в гражданский оборот союза лиц привела к появлению конструкции юридического лица, а необходимость привлечения капитала и юридического оформления его централизации привела к закреплению ограниченной ответственности участников по долгам юридического лица. Благодаря возможности ограничить свою ответственность размером доли в уставном капитале участники юридического лица не боялись вкладывать деньги в новое предприятие, что, в свою очередь, способствовало развитию экономики и благосостояния государства.

Фундамент концепции юридического лица как самостоятельного участника гражданских правоотношений был заложен в римском праве. Экономические потребности Римской республики привели к необходимости наделить хозяйственной самостоятельностью новые территории – муниципии (*municipes*). Им предоставили имущественные права, аналогичные правам частных лиц, включая правоспособность в суде, право собственности и наследования. Деятельность муниципий осуществлялась через органы управления (магистраты), что делало их аналогом субъектов права [Ельяшевич, 2007, с. 163-165].

Ученые также усматривают прообраз корпорации в римских товариществах публиканов (*societates vectigalium publicanorum*), занимавшихся откупом государственного имущества, доходов, а также выполнением подрядов и поставок [Суворов, 2000, с. 205]. Подобная практика позволяла государству сокращать административные расходы, перекладывая задачи по эксплуатации активов и сбору доходов на частных лиц. Для финансирования масштабных проектов таким товариществам требовался значительный капитал, что обуславливало их многочисленный состав и, как следствие, сложности коллективного участия в гражданском обороте. Наделение их правосубъектностью стало тем правовым решением, которое устранило данное организационное препятствие.

В качестве непосредственных предшественников акционерных обществ выступили колониальные торговые компании XVII в., возникновение которых стало прямым следствием Великих географических открытий XV–XVI вв. Расширение мировой торговли и колонизация новых территорий обусловили объективную потребность в выработке новых, более эффективных форм аккумуляции капитала. Ключевым решением проблемы финансирования масштабной деятельности подобных компаний стала институционализация принципа ограниченной ответственности их участников. Данный правовой механизм заключался в том, что инвесторы, приобретая долю в ожидаемой прибыли, несли риск убытков исключительно в размере внесенного вклада, будучи освобожденными от ответственности по обязательствам компании всем своим личным имуществом.

Таким образом, появление конструкции юридического лица, основанной на принципах самостоятельной правосубъектности и ограниченной ответственности, было продиктовано экономическими потребностями. И следует признать, что конструкция юридического лица в полной мере данные потребности удовлетворила. Не случайно президент Колумбийского университета Н. М. Батлер охарактеризовал корпорацию с ограниченной ответственностью как «величайшее изобретение современности», превосходящее по значимости даже энергию пара и электричество [Bainbridge, Henderson, 2016, p. 2].

Экономические выгоды корпорации с ограниченной ответственностью были детально проанализированы Ф. Истербруком и Д. Фишелем на примере публичных корпораций, для которых характерно отделение владения от управления. Ими были выделены следующие

преимущества: 1) стимулирование инвестиций (инвесторы получают возможность вкладывать средства без необходимости контроля за менеджментом и без риска потерять больше суммы вложений, что снижает общую стоимость ведения бизнеса); 2) равенство акционеров (ответственность, ограниченная долей участия, делает всех акционеров равными, избавляя их от взаимного контроля за финансовым состоянием друг друга); 3) стимулирование менеджмента (свободное обращение акций и угроза смены управления в случае падения их стоимости мотивируют менеджеров к эффективной работе); 4) информационная прозрачность (рыночная цена акций служит универсальным индикатором положения дел в корпорации, не требуя от инвесторов дополнительных издержек на оценку); 5) диверсификация рисков (инвесторы могут распределять свои вложения между различными активами, не опасаясь масштабных убытков, что способствует развитию рынка инвестиций в целом) [Easterbrook, Fischel, 1991, pp. 41–44.].

Важнейшей целью права с позиции теории экономического анализа является рост экономического благосостояния общества. Конструкция юридического лица в полной мере отвечает данной цели, поскольку способствует развитию экономики: позволяет привлекать значительные капиталы для ведения бизнеса, гарантируя инвесторам защиту их личного имущества от последствий возможной неудачи корпорации.

При этом право должно стремиться к достижению экономической эффективности – «принятию правовых решений, эффективность которых вытекает из того, что за счет предписываемого позитивным правом распределения прав или иных решений общий объем прироста экономического благосостояния выигрывающих от такого регулирования перевешивает общий объем издержек, возникающих у тех, кто от него проигрывает (критерий Калдора-Хикса)» [Карапетов, 2016, с. 127]. Иными словами, право должно соизмерять издержки и выгоды, которые то или иное правовое решение влечет для разных групп индивидов, обеспечивать оптимальный баланс интересов государства, бизнеса и частных лиц.

Так, законодательно закреплённая возможность создания корпорации как самостоятельного субъекта права в совокупности с возможностью участников корпорации ограничить свою ответственность создали предпосылки для использования конструкции корпорации недобросовестными участниками гражданского оборота в противоправных целях, уклонения от исполнения обязательств, обмана кредиторов. Однако выгоды, которые несет в себе конструкция юридического лица для развития экономики государства (экономического благосостояния общества), значительно превышают издержки отдельных частных лиц. Что не позволяет отказаться от данной конструкции, но заставляет государство искать правовые механизмы обеспечения баланса интересов, сглаживания противоречий. Это проявляется в законодательном закреплении правовых институтов, разработанных на основе доктрины «снятия корпоративной вуали». В частности, в России получил развитие институт субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц в рамках процедуры банкротства.

Переходя от анализа правовых норм *ex post* к *ex ante*, следует установить, будет ли введение категории «электронное лицо» и наделение его самостоятельной правосубъектностью отвечать цели роста экономического благосостояния государства и будет ли такое решение экономически эффективно (не превысят ли издержки такого решения полученных выгод). Принимая во внимание опыт использования конструкции юридического лица, введение конструкции электронного лица, с одной стороны,

будет способствовать привлечению инвестиций в проекты по разработке и внедрению технологий ИИ в отраслях экономики и социальной сферы, с другой стороны – приведет к появлению проблемы злоупотребления ограниченной ответственностью.

Представляется, что преимущества для роста экономического благосостояния в масштабе всего государства могут превысить издержки в виде причинения ущерба отдельным частным лицам. Так, к числу потенциальных экономических выгод можно отнести: 1) стимулирование инвестиций (ограниченная ответственность «электронного лица» снизит риски для инвесторов и разработчиков, что позволит привлечь больше капитала в разработку и внедрение ИИ-технологий, особенно в рискованные и инновационные проекты); 2) правовая определенность (создание специального режима для ИИ позволит адаптировать законодательство к новым реалиям, будет способствовать развитию цифровой экономики и технологического предпринимательства); 3) автоматизация и эффективность (ИИ сможет самостоятельно участвовать в гражданском обороте (заключать сделки, управлять активами), что повысит эффективность бизнес-процессов; 4) создание новых рынков (рынка страхования ответственности ИИ, компенсационных фондов, услуг по аудиту и сертификации автономных систем и др.).

Вместе с тем, как и в случае с юридическими лицами, для минимизации издержек от введения категории электронного лица и обеспечения баланса интересов потребуются закрепление правовых механизмов, таких как государственная регистрация и надзор, лицензирование и стандартизация, обязательное страхование ответственности ИИ, создание компенсационных фондов, субсидиарная ответственность разработчиков или владельцев в случае злоупотреблений и др.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью является не столько философским или антропоцентрическим, сколько сугубо практическим и инструментальным. Правосубъектность представляет собой не врожденное качество, а юридический инструмент, создаваемый для эффективного регулирования общественных отношений и достижения конкретных социально-экономических целей.

Исторический опыт создания и эволюции конструкции юридического лица наглядно демонстрирует, что появление новых субъектов права обусловлено в первую очередь экономической целесообразностью. Наделение организаций самостоятельной правосубъектностью и принципом ограниченной ответственности было продиктовано необходимостью привлечения капитала, диверсификации рисков и стимулирования инвестиций, что в конечном итоге способствовало росту экономического благосостояния общества. Несмотря на сопутствующие издержки, такие как возможность злоупотреблений, совокупные выгоды от данной конструкции многократно превосходили потенциальные потери, что подтверждается ее устойчивостью и распространенностью.

По аналогии с этим, введение категории «электронного лица» для автономных систем ИИ может быть экономически оправданным шагом, отвечающим вызовам цифровой экономики. Целью же такого наделения должна стать максимизация экономической эффективности: стимулирование инвестиций в разработку и внедрение передовых технологий ИИ, снижение транзакционных издержек и создание предсказуемых условий для ведения бизнеса. Условиями для наделения ИИ правосубъектностью являются достижение ИИ достаточной автономности в принятии решений, превышение экономических выгод над издержками, создание эффективной системы гарантий для защиты прав третьих лиц.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что экономический анализ является не единственным методом анализа политики права, и окончательное решение должно приниматься на основе комплексного анализа, учитывающего не только экономические, но и этические, социальные и иные факторы, чтобы обеспечить устойчивое и справедливое регулирование отношений с участием ИИ в будущем.

Список литературы / References

Василевская, Л. Ю. (2023). Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. № 5. С. 32-40.

Vasilevskaya, L. Yu. (2023). Artificial Intelligence: Problems of Civil Law Qualification. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 5. Pp. 32-40. (In Russ.)

Гаджиев, Г. А., Войниканис, Е. А. (2018). Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики). *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 4. С. 24-48.

Gadjiev, G. A., Voinikanis, E. A. (2018). Could be a Robot a Subject of Law? (in Search of Legal Forms for a Digital Economy). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 4. Pp. 24-48. (In Russ.)

Ельяшевич, В. Б. (2007). *Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота*. В 2 т. Т. 1. М.: Статут.

Yelyashevich, V. B. (2007). *Selected Works on Legal Entities, Objects of Civil Relations and the Organization of Their Circulation*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Карапетов, А. Г. (2016). *Экономический анализ права*. М.: Статут.

Karapetov, A. G. (2016). *Economic Analysis of Law*. Moscow. (In Russ.)

Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 79-102.

Laptev, V. A. (2019). Artificial Intelligence and Liability for its Work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 79-102. (In Russ.)

Понкин, И. В., Редькина, А. И. (2018). Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. Т. 22. № 1. С. 91-109.

Ponkin, I. V., Redkina, A. I. (2018). Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *RUDN Journal of Law*. Vol. 22. No. 1. Pp. 91-109. (In Russ.)

Суворов, Н. С. (2000). *Об юридических лицах по римскому праву*. М.: Статут.

Suvorov, N. S. (2000). *On Legal Persons in Roman Law*. Moscow. (In Russ.)

Bainbridge, S. M., Henderson, M. T. (2016). *Limited Liability: A Legal and Economic Analysis*. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.

Easterbrook F. H., Fischel D. R. (1991). *The Economic Structure of Corporate Law*. Cambridge. London.

Сведения об авторе / Information about the author

Артемова Анастасия Николаевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Artemova Anastasiia – Candidate of Juridical Sciences, Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

The paper was submitted: 14.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025